REVITALIZACE HODNOT: UMĚNÍ A LITERATURA IV

Editor Josef Dohnal

Ústav slavistiky FF MU
Česká asociace slavistů
Tribun EU
Brno 2019

Recenzovali:
prof. PhDr. Anton Eliáš, CSc.
prof. PhDr. Oldřich Richterek, CSc.

KATALOGIZACE V KNIZE – NÁRODNÍ KNIHOVNA ČR

Revitalizace hodnot: umění a literatura IV / editor Josef Dohnal. – V Tribunu EU vydání první. – Brno : Ústav slavistiky FF MU : Česká asociace slavistů : Tribun EU, 2019. – 1 CD-ROM (716 stran)
Český, anglický, polský, ruský, slovenský a ukrajinský text, česká, anglická, polská, ruská, slovenská a ukrajinská resumé
Obsahuje bibliografie a bibliografické odkazy

ISBN 978-80-263-1477-6

* 82:72/76 * 82.07 * 316.752 * 124.5 * 821.161.1 * 821.16 * 821(100) * (048.8:082)
– 19.–21. století
– literatura a umění
– interpretace a přijetí literárního díla
– hodnoty
– hodnotová orientace
– axiologie
– ruská literatura – 19.–21. století
– slovanské literatury
– světová literatura
– kolektivní monografie

82 – Literatura. Literární život [11]

Publikace neprošla jazykovou úpravou, za jazykovou správnost odpovídají autoři příspěvků.

Vychází péčí České asociace slavistů ve spolupráci s Ústavem slavistiky FF MU.

© Tribun EU, s. r. o., 2019

ISBN 978-80-263-1477-6 (CD-ROM)
ISBN 978-80-263-1476-9

Obsah

Йозеф Догнал
Предисловие. Фокус внимания: ценности 11

Světové literatury

Литературы мира

Blažencová
Paralely v tvorbe Ksavera Šandora Đalského a Svetozára Hurbana Vajanského 15

Jozef Brunclík
Axiológia životných postojov i umeleckej tvorby Jána Motulka 25

Юлия Алексеевна Дмитриева
Распад этических ценностей в романе А. Кристоф «Толстая тетрадь» . . 39

Ганна Алексеевна Филатова
Ироническое переосмысление онтологических ценностей в мифологическом романе Р. Желязны и его русских переводах 51

Ольга Гречешнюк
Дискурс пам'яті в літературі (на прикладі роману Арно Гайгера «У нас все добре») 63

Халам Орынгалиевна Карасаева
Национальная интерпретация интернациональной темы в лирико-публицистическом цикле «Испаниана» казахских поэтов . . 77

Joanna Mielczarek
Axiology in Katarzyna Kobro's work 85

Alexej Mikulášek
Cizojazyčné lexikální elementy a jejich funkce v jazykové výstavbě románu Jaroslava Haška Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války . . 93

Иво Поспишил
Аксиологическая ось пограничных жанров 109

Татьяна Прокопович
Ценностные ориентации литературной провинции: поэтический кружок в Ровно межвоенного периода 121

Элла Александровна Радаева
Ценностный аспект экспрессионизма в австрийской литературе второй половины XX – начала XXI века 131

Anastazja Seul
Świat wartości literackich i nieliterackich w nauczaniu Jana Pawła II podczas pielgrzymek do narodów słowiańskich. Część 2. Czechy: 20–21 V 1995 i Słowacja: 30 VI – 3 VII 1995 143

Оксана Григорьевна Шостак
Оппозиция свой–чужой в творчестве писателей Индейского Ренессанса 157

Эка Георгевна Вардошвили
Отражение ценностей грузинского народа в произведении Александра Дюма «Кавказ» 169

Viera Žemberová
Hodnota, poznanie a zážitok v prozaickom texte 179

Ruská literatura 19. století a první poloviny 20. století

Русская литература 19-го и первой половины 20-го вв.

Денис Александрович Давыдов
Семейные ценности в русском и французском натурализме XIX века (на примере романов Э. Золя «Западня» и Д. Мамина--Сибиряка «Золото») 189

Jadwiga Gracla
Miłość inna niż wszystkie. O poszukiwaniach bohaterów modernistycznej dramaturgii 199

Андрей Данилович Каксин
О важности и ценности периода молодости в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя 209

Надежда Валерьевна Карева
Нарушение ценностных парадигм в художественном пространстве романа Ф. М. Достоевского «Идиот» 219

Оппозиция свой–чужой в творчестве писателей Индейского Ренессанса

Оксана Григорьевна Шостак

Абстракт

Статья посвящена исследованию образа «Другого» в творчестве двух представителей Индейского Ренессанса — Джеймса Уелча (США) и Томаса Кинга (Канада), которые на страницах своих романов стремятся нивелировать растиражированные массовой культурой стереотипные представления о современных коренных нациях Северной Америки. Их творчество является своеобразным способом сопротивления, формой «вокализации» противостояния доминирующему обществу. Романы «Индейский юрист» Уелча и «Медсин Ривер» Кинга вышли практически одновременно в 1990 г. и оба можно рассматривать как манифестацию современного индейского романа, где исследуются судьбы современных индейцев, переживших геноцид коренных наций, и ведется диалог о национальных ценностях как фундаментальной основе бытия в мире. Тексты романов отвергают стремление закрепить культурное белое превосходство, которое обособило индейца как «Другого», предлагая вместо этого инклюзивный процесс, который не базируется на чьем-либо культурном превосходстве.

Ключевые слова: Индейский Ренессанс; «Другой»; оппозиция свой–чужой; индейцы; коренные жители Северной Америки; первые нации Канады

Self-Other Opposition in the Works of Writers of the Indian Renaissance

Abstract

This article is dedicated to the “Other” imagery analysis in the works of two well-known writers of Native American Renaissance—James Welch (USA) and Tomas King (Canada). On the pages of their novels both of them are striving to level the stereotypical ideas of modern North American indigenous people replicated by popular culture. Their work is a peculiar way are the way of resistance, a form of “vocalization” of opposition to the dominant society. The novels Indian Lawyer by Welch and Medicine River by King were published almost simultaneously in 1990. Both books can be seen as a manifestation of

a modern Indian novel that explores the fate of modern Indian who survived the genocide of indigenous nations. There is a dialogue about national values as the fundamental basis of being in the world. The texts of the novels reject the desire to consolidate cultural white supremacy, which isolated the Indian as the "Other", suggesting instead an inclusive process not based upon anyone's cultural superiority.

Key words: Native American Renaissance; "Other"; opposition Self and Other; Indians; First Nations of Canada

Исследуя психологические корни концепта «Другой» в истории литературы, Абдул ДжанМохамед пишет о том, что колониальная литература представляет мир на границе цивилизации, мир, который еще не был освоен европейцами, как сигнификацию либо даже кодификацию неизвестной идеологии. «Мотивированная желанием покорять и властвовать она (литература) представляет мир колонии как место постоянной конфронтации, причиной чему служат расовые различия, отличия в языке, социальном устройстве, культурных ценностях и моделях поведения»[1]. Возникает вопрос, кто же говорит от имени «Другого». Колониальная и пост-колониальная идеология не позволяет завоёванным культурам изменяться. «Требования «аутентичности» отказывают писателям так называемого «четвертого мира» в живой, постоянно изменяющейся культуре. Их культура обречена оставаться «Другой» культурой и потому не может пересекать условные, но из-за этого не менее важные, идеологические границы между «Они» и «Мы», между экзотическим и известным, прошлым и будущим, «умирающим» и живущим»[2]. Таким образом европейское сообщество рассматривает катастрофическое влияние времени на коренные сообщества Северной Америки как процесс национальной энтропии.

Ярким примером может служить творчество Джеймса Уелча (США) и Томаса Кинга (Канада). Оба они принадлежат старшему поколению писателей Индейского Ренессанса. Уелч — походит из двух коренных наций: блекфуты и гросс вентр, в то время как Кинг имеет смешанное происхождение, среди его предков есть чероки и европейцы — немцы

[1] JAN MOHAMAD, A.: *The Economy of Manichean Allegory: The Function of Racial Differences in Colonialist Literature.* In: ASHCROFT, B., GRIFFITH, G., TIFFIN, H. (eds): Post-Colonial Study Reader. London: Routledge, 1995. s. 18.

[2] FEE, M.: *Who Can Write as Other?* In: ASHCROFT, B., GRIFFITH, G., TIFFIN, H. (eds): Post--Colonial Study Reader. London: Routledge, 1995. s. 243.

и греки. Романы «Индейский юрист» Уелча и «Медсин Ривер» Кинга вышли практически одновременно в 1990 г. и оба можно рассматривать как манифестацию современного индейского романа, где исследуются судьбы современных индейцев, переживших геноцид коренных наций, и ведется диалог о национальных ценностях как фундаментальной основе бытия в мире. В силу сложившихся обстоятельств оба героя — чужаки для коренных сообществ.

Главный герой «Индейского юриста» Сильвестр Еллоу Каф — успешный спортсмен-баскетболист и юрист-выпускник Стэнфорда, но грустная ирония его судьбы заключается в том, что он — скорее исключение, нежели правило среди своих одноплеменников, кого доминирующая культура выбросила на обочину цивилизации. В своих рассуждениях о своем месте в жизни Сильвестр задается вопросом: почему именно он? «Я рассматривал дело осужденного из семьи, с которой я был очень близок в детстве. Он тогда был намного моложе, потому я его сейчас даже и не узнал, но один из его старших братьев был практически братом мне тогда. А сейчас я даже не представляю где он и боюсь спросить. Все чаще я ощущаю, что я иду своей веселой дорогой, а люди, что так много для меня когда-то значили, остались где-то на обочине. Зато другие люди вошли в мою жизнь, те, к кому я ничего не испытываю, но они помогли мне делать шаг за шагом, сначала тренеры и учителя, потом профессора и Бастер, а теперь вот Фаберс. Они будто передавали меня один другому. Я не помню времени, чтобы мне приходилось тяжко трудиться в поте лица, чтобы самому добиться чего-то. Всегда был кто-то, кто открывал мне следующую дверь, говоря: «Входи, здесь тепло», после чего они захлопывали ее перед лицом людей, из которых я похожу. Иногда я представляю себе Донни Янг Дог, того парня с которым я рос, как он стоит под дверью, ожидая, что она откроется. Но она не открывается ни перед ним, ни перед остальными, кого я оставил позади»[3]. В этом случае индейская идентичность Сильвестра представляет собой не просто зафиксированную реальность, а скорее длительную проблемность. Человек как целостность не принадлежит самому себе, его авторство на собственную личность в значительной степени ограничено с одной стороны пространством и временем, в которых он представлен телесно, а с другой стороны его человеческая личность может быть реализована лишь в межсубъектном коммуникативном пространстве. Главный герой как личность проецирует себя на интерсубъектный

[3] WELCH, J.: *The Indian Lawyer*. N. Y.: W. W. Norton & Co., 1990, s. 58.

горизонт жизни, лишь получив гарантию собственной идентичности от «Других». Человеческая концепция себя как автономно действующего и полностью индивидуального существа для него может быть устойчивой лишь в случае, если он получает подтверждение и признание со стороны других. Происходит аннигиляция «тождественности», которая принадлежит прошлому за счет открытости его идентичности в будущее.

Не менее грустными является видение будущего блекфутов, когда Сильвестр размышляет о будущем индейского ребенка: «Там был пацаненок, лет семи-восьми, играл в городки сам с собой. На нем была поношенная футболка, голубые джинсы были порваны на коленях, и эти не по размеру большие кроссовки. Он был так увлечен игрой, что не заметил меня, а я стоял и смотрел на него и во мне росло чувство, что я видел эту сцену раньше, так она мне была знакома. Даже этот жаркий день и горы вокруг, потом малыш заметил меня, он замер и посмотрел мне в лицо — и я узнал себя. Годы назад я был этим ребенком, что играл на этом месте. И тогда во мне зародилась мысль, а что если этот семилетний и я оказались бы на том же месте и я превратился в него? Будут ли у него те же возможности, та же поддержка, что имел я? Почему этого ребенка не учат тому, что он важен, чтобы он не споткнулся, просто потому что он индеец и от него все этого ожидают?»[4]

На поверхности ответ на вопрос Сильвестра почему ему везет, а другим нет, достаточно прост — он спортивная звезда, чья слава разнеслась далеко за пределы не только его резервации, но и штата Монтана, где она расположена. Для доминантного общества — это является несомненным приоритетом, лучшие университеты США всегда славились своими спортивными командами и это, несомненно, стало для Сильвестра пропуском в Стенфорд. Как отмечает спортивный обозреватель Рей Лаундин, у индейских бейсбольных команд было два типа болельщиков — индейцы, которые болели за «своих», и белые фанаты. «Он обратил внимание на феномен, который особенно выявлялся во время игр на нейтральных полях. Фанаты, которые не имели ничего общего с индейскими командами, были просто в восторге от их игры и болели за них так же активно, как и представители резерваций. Но как отмечал про себя Рей, по окончанию матчей между этими двумя группами не было ничего общего, если не обращать внимания на частые враждебные стычки»[5]. Эту особенность легко разъяснил белый коллега

4 Там же, с. 59.
5 Там же, с. 101.

Рея: «Да это все равно, что находиться в клетке с мартышками. Сначала ты изумляешься, что они могут прокручивать такие трюки, и не только могут, но у них это еще и хорошо выходит. Но в конце концов ты ж понимаешь, что ты в клетке с мартышками, а люди не особенно хорошо себя чувствуют в окружении обезьян»[6]. Именно по этому Рей делает печальное заключение: «Он знал, что большинство белых фанатов по всему штату, вопреки восторженным отзывам об игре индейских команд, никогда бы не предложили родителям тех детей даже чашки кофе в снежную бурю»[7].

Перед читателем возникает образ «Другого», которому отказано в человеческой сущности, ведь манипулируя таким образом массовым сознанием, можно легко переписать и даже полностью уничтожить «неудобные» страницы истории. Если индейцы — обезьяны, то ведь тогда никакого геноцида коренных наций никогда и не было, колонисты просто заняли девственные земли, чем ускорили эволюцию живущих на этой земле существ. «Выборочное восприятие истории и политики связано с широко распространённой тенденцией использовать двойные стандарты, когда речь идет о «нашей» и «их» роли в истории, и с ужасающей способностью решать, правда ли происходили некоторые исторические события, полагаясь в таких решениях на сугубо политические предпочтения»[8]. В таких условиях история превращается в безответственную игру предвзятых личностей, которые рассматривают исторические события исключительно под удобным углом зрения, что помогает создавать условные общества правды и добродетели, которых никогда не было на исторической арене. Как отмечает Кетрин Шенли, «для индейцев Монтаны распознание их человечности предполагает двойную динамику: признание их уникального статуса перед законом как нации и признание исторических событий, которые лишили их гражданства как нации, навязав вместо этого статус людей второго сорта, согласно политических расистских предубеждений»[9].

Именно ущемленное чувство несправедливости в отношении этнических меньшинств, столь характерное для повседневной жизни США сподвигло Рея Лундина, который сам был афро-американцем,

---

6 Там же.

7 Там же, с. 100.

8 DONKÌS, L.: *Zbentežena ìdentyčnìst' ì sučasnyj svìt.* In: DONKÌS, L.: K.: Fakt, 2010, s. 119.

9 SHANLEY, K. W. *James Welch: Identity, Circumstance, and Chance.* In: PORTER, J., KENNETH, M. R. (eds): The Cambridge Companion to Native American Literature. N. Y.: Cambridge University Press, 2005, s. 235.

и, что называется, испытал все прелести подобного отношения на собственной шкуре, написать колонку, посвященную успехам Сильвестра, в «Грейт Фоллс Трибьюн». «Это был своеобразный гимн всем командам, которые вышли из гетто и резерваций, чтобы подарить радость и удовольствие безликим ордам, что живут в тени бомбы (Монтана пятый по величине штат с ядерным производством, как указывал репортер), тем, кто живет в тихом отчаянии, банкротстве и страхе из-за того, что нет возможности выкупить отданные в залог вещи, в мире ночных кошмаров и бессонницы. «Многие игроки твоей команды, Сильвестр, будут иметь не долгую славу, чтобы потом вновь погрузиться в мир пьянства и отчаяния, которые есть неизбывной частью существования индейцев. Именно поэтому ты просто обязан удержать факел». Далее в колонке расхваливались лидерские способности Сильвестра, его интеллект, профессиональная этика и воспитанность. Он закончил ее, назвав Сильвестра «победителем» как на поле, так и за его пределами, в прошлом, настоящем и в будущем, в жизни — «победителем за все меньшинства, которые воюют в бесконечной битве за уважение и почтение к себе»[10]. Но как раз эта статья стала водоразделом, отделившим Сильвестра от остальных жителей резервации, так как только ему репортер прочил светлое будущее, остальных он заранее обрекал на падение. Ирония ситуации состоит в том, что афроамериканец Лундин транслирует «белые» ожидания в отношении большинства членов этнической команды.

Еще один массовый стереотип, связанный с индейцами, — это образ благородного дикаря, до сих пор живущего в типи. Показательно, что даже ведущие политические деятели современности не в состоянии изжить этот стереотип из своего сознания. Фаберс, занимающий высокий чин в демократической партии, рассказывал Сильвестру о своих ранних контактах с представителями коренных меньшинств: «Сенатор захотел встретиться с индейскими лидерами, так что я пригласил кого-то их сиу и кроу, кажется. Не могу сказать, каким наивным я был в те дни, просто жуть. Я хотел, чтобы они были в головных уборах из перьев и в одежде из оленьих шкур с копьями или еще там чем. Ну я ж из Массачусетса, индейцев никогда не видел, вот и представлял, что они все это носят. А они явились в костюмах, вручили визитки. И даже не подумали предложить сенатору трубку мира!»[11]. Но даже жители города Хелена

[10] WELCH, J.: *The Indian Lawyer.* N. Y.: W. W. Norton & Co., 1990, s. 103.
[11] Там же, с. 51.

(штат Монтана), который построен на традиционных охотничьих угодьях народа блекфут, ничуть не ближе к истинному видению индейцев конца XX в. Девушка Сильвестра Ширли, дочь предыдущего члена Сената от штата Монтана, не раз делает полушутливые замечания типа: «Миссис Лукас считает тебя милым. Ну ты ж знаешь, что она просто без ума от благородных краснокожих»[12]. Чуть дальше в тексте она возвращается в разговоре к растиражированной версии американской истории: «Я думала, что твой народ любил убивать людей»[13]. На что последовал резонный ответ Сильвестра: «Твой народ убил значительно больше людей, нежели они. По сравнению с ними — мы просто кровавые пацифисты»[14]. Возможно, подобные замечания и создают ту глухую стену, которая, в конце концов, приводит к охлаждению их отношений.

Когда Сильвестр собирался в колледж, бабушка подарила ему старинный талисман, что принадлежал еще ее деду, древнему воину блекфутов. Не видя необходимости в нем, Сильвестр оставил его дома, спрятав между книг. Бабушка нашла его, не сказав ни слова внуку о своей находке. Через семнадцать лет Сильвестр вновь нашел этот талисман. «Он держал его перед глазами за две кожаные полоски. Он был совершенно не украшен и казался значительно тяжелее, нежели он помнил. Это был военный талисман его пра-пра-деда, тот, что бабушка дала ему перед колледжем. Он приложил его к шее и снова взглянул в зеркало, попытавшись там увидеть воина-блекфута готового к рейду за лошадями кроу. Но все, что он увидел, — человека с кругами под глазами, легкой щетиной, человека, что вел перестрелку только с собой самим. Новые воины. Он вспомнил статьи и брошюры о юристах, что давала ему Лена Олд Хорнс. Он не был даже новым воином. Он был юристом жирных котов, помогающим только себе и некоторым жирным котам стать еще богаче»[15]. Осознание морального долга перед своим народом придает смысл жизни Сильвестра и делает его поистине успешным. Поскольку, по мысли Синди Линс, «лишь возвращение к традиционным ценностям может спасти современного коренного американца. […] В определенном смысле Еллоу Каф достигает успеха в «Индейском адвокате» — ему удается поднять восстание против власти белой системы ценностей»[16]. Вопреки казалось бы очевидному поражению и потере возможности

[12] Там же, с. 57.
[13] Там же, с. 77.
[14] Там же.
[15] Там же, с. 167–168.
[16] LINCE, C.: *The Indian Lawyer.* CutBank, 1999, Vol. 1, No 35, s. 104.

баллотироваться в Сенат, бабушка пророчит своему внуку будущее великого вождя индейцев, а ее предсказания в тексте романа всегда сбывались.

Справедливости ради следует отметить, что не только культура мейнстрима рассматривает представителей коренных народов как «чужих». Известный американский писатель коренного происхождения Шерман Алекси с сарказмом и иронией пишет о необходимости доказывать свою коренную идентичность и принадлежность к своей собственной культуре в современном американском обществе. Аутентичность просто переполняет мысли индейцев. Колонизированные, они столкнулись с геноцидом, изгнанием, но теперь индейцы формируют свою идентичность, поддавая сомнениям идентичность других индейцев. Практически до 1986 г. в Канаде существовал закон о том, что индейцы, которые желают покинуть пределы резервации, должны получить особое разрешение, но при этом они утрачивали свой статус индейцев. Это означало, что они уже не могли называться индейцами и даже ежели бы они желали вернуться, они не могли этого сделать, так как не имели легального статуса индейцев, так же как и их дети и уж тем более внуки. Если же индианка выходила замуж за белого, она теряла свой индейский статус и обязана была покинуть пределы резервации, где проживали ее родные.

Проблеме возвращения на родную землю посвящен роман Томаса Кинга «Медсин Ривер», который критики рассматривают как первый шаг писателя «к провозглашению незаангажированной идентичности коренных жителей»[17]. Мать главного героя Роза, выйдя замуж за белого, утратила статус индианки, согласно канадским законам, которые признают патриархальное наследование. Барбара Хилл пишет о том, что «кланы наследуются по материнской линии. В наших сообществах считается, что если ты не имеешь домашнего клана, ты — не-индеец»[18]. Но современные индейцы оказываются в затруднительном положении, определяя какой линии поведения им следовать. После смерти мужа Роза решает вернуться, но она более не может жить на резервации. Ее сын Уилл с горечью вспоминает это возвращение: «Джеймс спросил: «Мы едем назад в резервацию?» — «Наверное», — был мой ответ. — «Нет, — встрял Максвелл, — Вам нельзя. Вы, ребята, должны теперь жить в городе, потому что вы больше не индейцы». — «А вот и нет. Мы — такие же индейцы как и ты». — «Твоя мать вышла замуж за белого». — «Наш отец умер». —

[17] PETERS, D. J.: *Beyond the Frame: Tom King's Narratives of Resistment.* Studies in American Indian Literatures, 1999, Vol. 11, No 2, s. 67.

[18] Там же.

«А это не имеет значения». — Я почувствова, как у меня начинает гореть лицо. — «Мы можем поехать на резервацию когда угодно. Вот сядем в машину и поедем в Стендофф». — «Конечно, вы можете это сделать, — сказал Максвелл, — да только остаться вы там не можете — это закон». Я натянул на себя брезент и мысленно убедил себя, что мы все же едем на резервацию. Но при этом не слишком удивился, когда мы остановились в Медсин Ривер. Дело, наверное, было не сколько в законе, как в гордости, которая не позволила моей маме поехать дальше города»[19]. С похожей ситуацией Уилл сталкивается и во взрослой жизни, когда он принимает решение возвратиться жить в Медисин Ривер после смерти матери. Для того, чтобы открыть свое фотоателье ему требуется небольшая сумма денег и, по настоянию Харлена Бигбеар, он обращается за займом в Отдел по работе с индейцами. «Уитни Олдкроу покачал головой и объяснил Харлену, что его офис не дает ссуды индейцам без статуса, что ему очень жаль, но таковы правила»[20].

Ощущение отстраненности от чего-то большого и важного из-за замужества мамы с человеком, который оставил ее, когда Уиллу было всего четыре года, делает его чрезвычайно эмоционально ранимым и замкнутым человеком. В отличие от Сильвестра, который называет резервацию «единственным домом, который у него когда-либо был»[21], Уилл — чужак для резервации, вопреки тому, что там живут его бабушка и трое родных дядей с емьями, по крайней мере, он таким себя ощущает в начале романа. «Ему нужно наладить отношения с людьми и не утратить при этом свою индивидуальность, которая стала еще более размытой после его возвращения в Медсин Ривер, из-за отсутствия в его жизни отца»[22] Воспитанный в культурной традиции, основанной на европейских стереотипах коммуникативного поведения (вербального и невербального), герой постоянно внутренне поеживается от «беспардонности» своих новых друзей. К ним можно отнести «фривольное» отношение к так называемой личной информации. Так случилось с письмами отца Уилла к маме. Много лет назад мама обнаружила, что Уилл читал эти письма, она расстроилась, запретив ему это делать, и упрекнув в том, что он трогает ее личные вещи и нарушает тем самым ее приватное пространство. Письма были

---

19 KIND, Th.: *Medicine River.* N. Y.: Viking, 1990, s. 8–9.

20 Там же, с. 95.

21 WELCH, J.: *The Indian Lawyer.* N. Y.: W. W. Norton & Co., 1990, s. 157.

22 ZICHY, F.: *"There isn't a Mr. Heavyman". Will's Negatives in Medicine River.* Studies in American Indian Literatures, 2009, Vol. 21, No 2, s. 27.

отданы на хранение знакомой. Через многие годы письма вернулись к Уиллу, но к своему изумлению он обнаружил, что с их содержанием ознакомилась добрая половина резервации. Никто не видел в этом ничего предосудительного и любовные отношения его родителей стали предметом бурного обсуждения и даже восхищения друзей и знакомых.

Показательным является и представление о семье в белом мире и в пространстве резервации. Кроме матери и брата Джеймса, Уилл имеет троих родных дядей, что проживают на территории резервации, но они упомянуты в романе лишь дважды. Первый раз в случае переезда семьи в Медсин Ривер и второй раз на похоронах матери. Об их фактическом отсутствии в жизни сестры и племянников говорит семейный портрет, который висел на кухне, на нем изображены только Роза, Уилл и Джеймс. Замужество сестры сделало ее «чужой» для семьи. «Мы росли в Калгари, Джеймс и я. Бабушка Пит приезжала автобусом почти каждый месяц, но ни разу ни один из маминых братьев не появился. Бабушка о них рассказывала, так что мы с Джеймсом знали, что у нас есть родня»[23]. Потому таким шоком стала для Уилла, который был по профессии фотографом, предложение Джойс Блу Хорн снять ее семью, в которой оказалось более пятидесяти человек. Студия оказалась слишком тесной, чтобы снять такое количество народу, и вся компания выехала на берег реки. Понятие семьи для представителей первых наций Канады охватывает всех родных. Как Харлен попытался объяснить Уиллу: «Пойми, когда Джойс Блу Хорн сказала семья, она не имела ввиду только себя с Элвисом и детей»[24]. Фотографирование превратилось в семейный пикник, возможность увидеть друг друга и пообщаться. В результате события растянулось на целый день, было отснято бесчисленное количество кадров, а на фото оказались не только родные Джойс, но и сам Уилл, которого эта семья «усыновила».

Мотив вхождения «чужого» в «свой» мир резервации инвариантен в романе. Он может реализоваться как в комическом «сватании» Уилла к Луиз Хевимен с помощью погремушки, изготовленной известной на резервации свахой Мартой Олдкроу, так и в сцене похорон матери Уилла, когда Харли впервые раскрыл Уиллу что такое дом для блекфутов. «Вон, посмотри туда. Нинастико — гора Вождя. Так мы определяем, где мы находимся. Если мы видим гору — мы знаем, что мы дома. Разве мама тебе этого не рассказывала?»[25]. Локус священной горы делает

[23] Там же, с. 8.
[24] Там же, с. 195.
[25] Там же, с. 90.

«свой» мир резервации проницаемым для «чужого» Уилла. «Текст Кинга отвергает стремление закрепить культурное белое превосходство, которое обособило индейца как «Другого», предлагая вместо этого инклюзивный процесс, который не базируется на чьем-либо культурном превосходстве»[26].

Организация образной системы романов «Индейский юрист» Уелча и «Медсин Ривер» Кинга через проведение параллелей путем контрастного сопоставления персонажей раскрывает индейское содержание образов героев. Оппозиция восприятия окружающего мира через призму «своего» и «чужого» мировоззрений формирует четкую структуру, которая позволяет наглядно продемонстрировать индейскую перспективу восприятия мира героями. Персонажи демонстрируют множественность вариантов осмысления собственной индейскости (в обоих романах герои принадлежат народу блекфутов), соответственно можно говорить о множественном поиске себя как истинного блекфута на страницах анализируемых романов.

Литература:

DONKÌS, L.: *Zbentežena ìdentyčnìst' ì sučasnyj svìt.* In: DONKÌS, L.: K.: Fakt, 2010.

FEE, M.: *Who Can Write as Other?* In: ASHCROFT, B., GRIFFITH, G., TIFFIN, H. (eds): Post-Colonial Study Reader. London: Routledge, 1995.

JAN MOHAMAD, A.: *The Economy of Manichean Allegory: The Function of Racial Differences in Colonialist Literature.* In: ASHCROFT, B., GRIFFITH, G., TIFFIN, H. (eds): Post-Colonial Study Reader. London: Routledge, 1995.

KIND, Th.: *Medicine River.* N. Y.: Viking, 1990.

LINCE, C.: *The Indian Lawyer.* CutBank, 1999, Vol. 1, No 35.

PETERS, D. J.: *Beyond the Frame: Tom King's Narratives of Resistment.* Studies in American Indian Literatures, 1999, Vol. 11, No 2.

SHANLEY, K. W. *James Welch: Identity, Circumstance, and Chance.* In: PORTER, J., KENNETH, M. R. (eds): The Cambridge Companion to Native American Literature. N. Y.: Cambridge University Press, 2005.

WALTON, P.: *"Tell Our Stories": Politics and the Fiction of Thomas King.* World Literature Written in English, 1990, Vol. 30.

[26] WALTON, P.: *"Tell Our Stories": Politics and the Fiction of Thomas King.* World Literature Written in English, 1990, Vol. 30, s. 79.

WELCH, J.: *The Indian Lawyer.* N. Y.: W. W. Norton & Co., 1990.
ZICHY, F.: *"There isn't a Mr. Heavyman". Will's Negatives in Medicine River.* Studies in American Indian Literatures, 2009, Vol. 21, No 2.

доц. Оксана Григорьевна Шостак, к. ф. н.
Национальный авиационный университет, Факультет лингвистики и социальных коммуникаций
просп. Космонавта Комарова, 1, 03058 Київ, Україна
K_ipl@nau.edu.ua